

А. Л. ГОЛЬДБЕРГ

**«Идея славянского единства»
в сочинениях Юрия Крижанича**

Сочинения Юрия Крижанича оставались неизвестными и пролежали в забвении на полках московских архивов около двухсот лет. Зато после их открытия в середине XIX в. они вызвали к жизни целый поток исследований, не прекращающийся вплоть до нашего времени. Этот интерес к трудам Крижанича вполне оправдан, ибо Крижанич был поистине писателем-универсалом, и такие его сочинения, как «Политика»¹ или «История о Сибири», носят подлинно энциклопедический характер. Но в каком бы аспекте ни изучать труды Крижанича, нельзя пройти мимо ведущей идеи его творчества, определяющей содержание всех его многочисленных политических, религиозных, экономических и лингвистических планов. Это была идея единства славянских народов — единства, являвшегося залогом их политического и культурного возрождения.

Содержание «славянской идеи» Крижанича изложено многими авторами. Однако ее генезис и ее историческое место в процессе развития национального самосознания славянских народов до сих пор недостаточно изучены.

Многочисленные исследователи жизни и деятельности Крижанича большей частью бились над вопросом о том, в каком соотношении находилась «славянская идея» Крижанича с его религиозными планами (П. А. Безсонов,² М. И. Соколов,³ Е. Ф. Шмурло,⁴ Н. П. Шкеревич⁵ и др.) либо с его политическими планами (М. Вуич,⁶ В. Е. Вальденберг,⁷ В. И. Пичета,⁸ Б. Д. Дацюк⁹), а связи Крижанича с его предшественниками в области славянского самосознания почти не привлекали внимания ученых. Даже в монографии В. Ягича¹⁰ о Крижаниче этот вопрос не был поставлен, и Ягич рассматривал деятельность Крижанича вне всякой связи с его предшественниками и современниками из числа южных, западных и восточных славян.

¹ Так принято называть сборник трудов Крижанича, составленный им в 1663—1666 гг. Часть этого сборника была издана П. А. Безсоновым под названием «Русское государство в половине XVII века (тт. 1—2. М., 1859—1860) (далее: Русское государство).

² П. А. Безсонов. Юрий Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII веке. — Православное обозрение. М., 1870, I, II, IV, V, XI, XII.

³ М. И. Соколов. Новоткрытое сочинение Крижанича. СПб., 1891.

⁴ Е. Ф. Шмурло. Римская курья на русском православном Востоке. Прага, 1928.

⁵ Н. П. Шкеревич. Ђуро Крижанић. Београд, 1936.

⁶ М. Вуич. Крижанићева политика. Београд, 1895.

⁷ В. Е. Вальденберг. Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912.

⁸ В. И. Пичета. 1) Юрий Крижанич. СПб., 1914; 2) Юрий Крижанич и его отношение к русскому государству. — В кн.: Славянский сборник. М., 1947, стр. 202—240.

⁹ Б. Д. Дацюк. Юрий Крижанич. М., 1946 (далее: Дацюк).

¹⁰ V. Jagić. Život i rad J. Križanića. Zagreb, 1917.

Лишь в недавнее время в работах М. Мурко,¹¹ Ф. Вольмана¹² и И. Бадалича¹³ сделаны первые реальные шаги на пути к изучению генезиса «идеи славянского единства» у Крижанича. И это весьма плодотворный путь, ибо для того, чтобы понять реальное значение «славянской идеи» Крижанича, надо рассмотреть предыдущие этапы развития «идеи славянского единства» в трудах других авторов. И если даже Крижанич не был непосредственно знаком с сочинениями многих из этих авторов, то самый комплекс идей, накапливавшихся в XVI—XVII вв. в определенной этнической и литературной среде, не мог не оказать на него известного воздействия.¹⁴

Поэтому для изучения «славянской идеи» Крижанича необходимо (хотя бы в общих чертах) восстановить процесс развития славянского самосознания до середины XVII в., когда одним из участников этого процесса стал хорватский писатель Юрий Крижанич.

1

Литературные памятники свидетельствуют о том, что сознание взаимной близости и особой этнической индивидуальности существовало у славянских народов с давних времен. Классическим доказательством сознания родства славян между собой является «Повесть временных лет», говорившая о славянских племенах как о некоей единой общности.

Возможно, что в то время, когда составлялись начальные разделы «Повести временных лет», источником их «было живое знание этих племенных отношений, еще не заглушая память о племенном единстве».¹⁵ Но в дальнейшем существование и развитие идеи славянской общности поддерживалось не этими, постепенно угасавшими воспоминаниями, а гораздо более реальными и жизненными факторами, главным из которых было родство языков всех славянских народов.

Благодаря этой языковой близости, а также сравнительной близости территорий, населенных славянами, культурные связи между славянскими народами развивались зачастую активнее, нежели их культурные связи с другими народами Европы и Азии. Известное значение — во всяком случае для восточных и части южных славян — имела и их принадлежность к одной и той же «восточной церкви». Все эти источники питали идею славянской общности в XII—XV вв. до появления новых, отсутствовавших ранее факторов.

Для этого раннего периода развития славянской идеи характерно периодическое появление в литературных памятниках упоминаний о славянах как о едином народе. Так, например, краковский епископ Матвей в XII в. называл Русь, Чехию и Польшу частями единой «Славонии».¹⁶ Веком позже польский хронист Мартин Галл говорил о родстве славян, проживающих в разных странах.¹⁷ В русском хронографе 1512 г. при

¹¹ M. Murko. Die Bedeutung der Reformation und Gegenreformation für das geistige Leben der Südslaven. Prag, 1927.

¹² F. Wollman. Slovanství v jazykové literární obrození u Slovanů. Praga, 1958 (далее: Wollman).

¹³ J. Badalić. Juraj Križanić — pjesnik Hrvatske. Zagreb, 1958 (далее: Badalić).

¹⁴ «Было бы неверным и исторически неточным рассматривать Крижанича, философа и политика, как изолированный случай вне национальной среды, которая его породила и генетически обусловила появление его общественных взглядов» (Badalić, стр. 17).

¹⁵ А. Пыпин. Обзор русских изучений славянства. — Вестник Европы, т. IV. СПб., 1889 (далее: Пыпин), стр. 587.

¹⁶ Wollman, стр. 13.

¹⁷ И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1911, стр. 5.

упоминании о сербах, болгарях и других славянах подчеркивалось, что все они «едино суть».¹⁸

Высказывания подобного рода встречаются и у чешских, и у южнославянских авторов, но все они носят чисто декларативный характер: идея славянского единства еще не порождает в то время практических планов сплочения славян для совместных действий.

К концу XV—началу XVI в. историческая обстановка в центральной и восточной Европе существенно изменяется. В славянских городах на побережье Адриатики, в городах Чехии и Польши появляются первые элементы национальной буржуазии. И эта «продвигающаяся вперед буржуазия славянских народов была воодушевлена сознанием, что существуют ей родственные славные и мужественные народы. Она рассматривала этот факт, как рост своей собственной силы».¹⁹

Значительно усиливается Польско-Литовское государство, а на востоке Европы все крепче становится на ноги Московская держава, сбросившая многовековое татарское иго. И этот рост двух крупнейших славянских государств не мог не привлечь внимания других славянских народов, особенно в те годы, когда Османская империя стремительно расширяла свои пределы и жертвами ее становились один за другим славянские народы Балканского полуострова.

Вполне понятно, что в этих новых условиях взаимное тяготение славян значительно возрастает, и это сразу же находит отражение в книгах многих славянских писателей того времени.

В сочинениях поляков Матвея Меховского, Бернарда Ваповского, Лукаша Гурницкого, в книге чешского писателя Даниэля Адама из Велеславина говорилось о том, что все славяне — «люди одного языка и одной крови». «Славянская тема» стала модной у польских поэтов, и их некоронованный король — Ян Кохановский с гордостью говорил о своей «славянской музе». Но особенно сильно идея славянской общности зазвучала в это время у южнославянских писателей. Далматинец Илья Цриевич, здранин Ю. Баракович, хорват А. Андрашевич прославляют славянский народ, простирающийся «от Ледовитого океана до Адриатического и Каспийского моря», а Адам Бохорич утверждал даже, что славяне рассеяны «по большинству частей света, если не по всему миру».

Наиболее отчетливо идея славянского единства была высказана Винко Прибоевичем в речи «О происхождении и успехах славян».²⁰ Прибоевич утверждает, что он «пытался сделать все, что в его силах, чтобы воздать должное достоинству славян», и действительно не скупится на похвалы своему родному племени. Новейший исследователь сочинения В. Прибоевича — Г. Новак — всячески подчеркивает, что Прибоевич высказывал свою «всеславянскую идею», «будучи далеким от каких-либо политических намерений».²¹ В самом деле: никаких политических планов, вытекавших

¹⁸ М. В. Шахматов. Славянская идея у древнерусских книжников. — Sborník prací I sjezdu slovanských filologů v Praze, 1929, sv. II. Praha, 1932 (далее: Шахматов), стр. 385. «В русских памятниках XIV—XVI вв. больше говорится о близости русского народа с южными славянами, чем с западными. В этом, вероятно, сыграла роль религиозная рознь с поляками и чехами, а также воздействие так называемого «второго южнославянского влияния» на Русь в XIV—XV вв.» (Шахматов, стр. 386).

¹⁹ Э. Неедлы. К истории славяноведения до XVIII века. — Историк-марксист М., 1941, № 2 (далее: Неедлы), стр. 87.

²⁰ V. Priboevius. De origine successibusque slavorum. Venetiis, 1532 (далее: Priboevius). Г. Новак в статье «Далмация и Хвар во времена Прибоевича» (в кн.: V. Priboević. O podrijetlu i zgodemi slaven. Zagreb, 1951) пишет, что единственный в мире экземпляр книги Прибоевича хранится в Венецианской библиотеке. Но он ошибается, ибо эта книга имеется и в фонде ГПБ в Ленинграде.

²¹ Новак, стр. 17, 25, 26.

из признания исторической общности славянских народов, в речи Прибоевича не содержалось. Но уже его ближайшие преемники, развивая идею славянского единства, делали из нее весьма определенные политические выводы.

На протяжении XVI и XVII вв. развитие идеи славянского единства неразрывно связано с пропагандой совместного выступления славянских народов против Турции.

Призывы к сплочению сил для борьбы с турками звучат в стихах польских поэтов М. Пашковского, М. Стрыйковского, Я. Кохановского, С. Клоновича. Проживавший в Чехии далматинец Транквилл Андрашевич утверждал, что все славяне должны объединиться против турок, потому что поражение турок послужит благу всех славян. О союзе славян для борьбы с турками говорилось в книгах южнославянских авторов XVI в. — Георгиевича, Чедолина, Комуловича — и их преемников, писателей XVII в., таких как Гундулич, Пальмотич и др. Турецкая опасность стала важнейшим катализатором в процессе складывания идеи славянской взаимности.

Одновременно с пропагандой совместного выступления против турок раздавались голоса, связывавшие необходимость объединения славян с борьбой против немецкой агрессии на востоке Европы. Эта идея не раз возникает в поэмах Я. Кохановского и многих его современников.

В отличие от польских и южнославянских авторов XVI—XVII вв. большинство русских писателей того времени, упоминая о единстве происхождения и языковой общности славян, не приносило в эти мысли политического содержания.²² Чувство славянской общности проявлялось на Руси главным образом в сфере культурной жизни: в употреблении церковнославянского языка, в литературном общении с южными славянами и т. д.²³

Таким образом, идея объединения славян для совместных политических действий вышла не из пределов Московского государства, а «появилась впервые у небольших народов Запада».²⁴ Наиболее активными ее сторонниками в XVI—XVII вв. выступают именно те народы, у которых имелись достаточно основательные политические причины к тому, чтобы добиваться сплочения всех славян в единую могучую силу. И прежде всего это относилось к южным славянам. Из рядов одного из этих южнославянских народов и вышел самый выдающийся глашатай идеи славянского единства — Юрий Крижанич.

2

Прежде чем приступить к изложению взглядов Крижанича, надо вкратце коснуться тех специфических факторов, которые способствовали формированию его «славянской идеи» и наложили на нее особый отпечаток.

Среди хорватских патриотов в первой половине XVII в. была распространена мысль о том, что славянские племена Балканского полуострова составляют единую «иллирийскую нацию». Этот взгляд был высказан еще в конце XV в. Ю. Шижгоричем, затем подхвачен И. Цриевичем и многими другими далматинскими и хорватскими писателями XVI—XVII вв.

²² Попытка М. В. Шахматова доказать, что в «Степенной книге» содержится якобы «идея политического единства всех славян», представляется неубедительной, так как она основана на расширительном толковании встречающейся в Степенной книге легенды о «славянском государстве» при Владимире I (Шахматов, стр. 388).

²³ Шахматов, стр. 390.

²⁴ L. Legier. Nouvelles études slaves. Paris, 1880, стр. 1.

(Маруличем, Охмучевичем, Кашичем, Орбини и др.). Называя себя «иллирийцами», а свою родину — «Иллирией», южные славяне тем самым подчеркивали свое родство друг с другом, близость своих языков и общность цели в борьбе за освобождение «Иллирии» от турецкого ига.

Эти «иллирийские» настроения разделял и молодой Крижанич, посвятивший одно из первых своих произведений прославлению «Иллирии» и всех народов, населяющих ее. Поэтический цикл Крижанича «Иллирия», вошедший в книгу А. Кирхера «Oedipus Aegyptiacus» (Romae, 1652), свидетельствует о том, что Крижанич рассматривал словенский, хорватский и сербский народы как составные части «иллирийской» этнической общности.²⁵

В отличие от многих своих земляков Крижанич не ограничился принятием «иллирийской идеи», а пришел к убеждению об исторической общности всех славянских народов; а не только их южной ветви. Таким образом «иллирийская идея» оказалась лишь «начальной фазой органического созревания Крижанича в отношении его всеславянских кругозоров».²⁶ Ко времени приезда в Россию эта идея была для Крижанича уже пройденным этапом, но следы ее можно найти и на страницах «Политики», где Крижанич упоминает о том, что «земля, в коей сада живут Задунайски Словенци, Болгари, Серби и Хорвати, из старини словет Илирская».²⁷

Юношеское увлечение Крижанича «иллирийской идеей» следует объяснять не только влиянием той национальной среды, в которой он вырос, но и воздействием религиозной среды — католической церкви и ватиканской Конгрегации пропаганды веры, под сенью которых протекали годы учебы Крижанича и последующий период его деятельности. Это было время, когда католическая церковь в поисках оружия против реформации и турецкой опасности на востоке Европы предприняла попытку использовать для этой цели этническое и языковое родство славянских народов, надеясь при посредстве католиков-хорват распространить свое влияние и на остальных славян Балканского полуострова.²⁸

Поэтому Ватикан покровительственно относился к оживлению «иллирийской идеи» и официально поддерживал одного из активных поборников «иллиризма» — хорватского католического священника и писателя Рафаэля Леваковича, написавшего в 40-х годах XVII в. «Историю Иллирии» и «Рассуждение о древнем языке иллирцев».²⁹

В этих условиях рано проснувшийся у Крижанича интерес к проблемам, связанным с прошлым и будущим славянства, находил дополнительную поддержку в тогдашней политике папского Рима. А поскольку неотъемлемой частью этой политики было стремление к ликвидации «схизмы», к распространению власти Ватикана на «православные страны», то и католический священник Крижанич не мог не придавать большого значения плану унии между восточной и западной церковью. На протяжении всей своей деятельности Крижанич считал, что церковная уния, символизирующая религиозное единство, должна явиться одним из важнейших (если не самым важным) условий сплочения и возрождения всех славянских народов.

В связи с этим некоторые современные исследователи называют взгляды Крижанича «униатско-контрреформационным» или «католическо-

²⁵ Badalić, стр. 7.

²⁶ Там же, стр. 23.

²⁷ Русское государство, т. 1, стр. 340.

²⁸ Историја народа Југославије, кн. 2. Београд, 1960, стр. 944.

²⁹ I. Kukuljević-Sakcinskij. Književnici u Hrvatch iz prve polovine XVII vjeka s ove strane Velebita. Zagreb, 1869 (далее: Kukuljević-Sakcinskij), стр. 150.

контрреформационным славизмом».³⁰ Признавая правомерность подобной характеристики, надо все же оговорить, что она не охватывает полностью содержания жизненной программы Крижанича.

Мы не станем продолжать столетний (и бесплодный) спор о том, какая из двух главных линий в деятельности Крижанича — борьба за славянское единство или борьба за церковную унию — занимала первое место. Следует только сказать, что для самого Крижанича идея возрождения славянства и идея объединения его в рамках католической церкви не заключали в себе никакого противоречия, и этим Крижанич отличался как от русских людей XVII в., так и от историков XIX—начала XX в., поспешивших обнаружить в сознании Крижанича «трагический раскол» между «славянским и католическим духом».

Однако, отмечая, что «славянская идея» Крижанича возникла «при попутном ветре из папского Рима»,³¹ надо ясно представить себе дальнейшую эволюцию этой идеи, переросшей под пером Крижанича в широкую программу возрождения славянских народов — программу, выходящую далеко за пределы того, что предназначалось на долю славян ватиканскими политиками.

3

Разрабатывая эту программу, Крижанич критически подошел ко многим предыдущим попыткам обосновать необходимость единства и сплочения славян с помощью исторических аргументов. Хотя чувство общего исторического прошлого существовало у славянских народов с давних пор, однако интерпретировалось это прошлое в большинстве случаев весьма фантастически. В течение многих веков происхождение славян объяснялось с помощью различных легенд, переходивших от народа к народу. Самой распространенной из них была легенда о братьях Чехе, Лехе и Русе, которые якобы являлись праотцами чехов, поляков и русских и происходили из Хорватии. Эта легенда встречается у многих польских и чешских авторов XIII—XVI вв. В XVI в. она проникает в русскую историческую литературу, и тогда же ее подхватывают далматинские писатели-гуманисты, считавшие славян автохтонными жителями Балканского полуострова.³² Они утверждали, что южные славяне являются потомками древних народов, которые некогда жили на Балканах, и что все остальные славянские народы разошлись из придунайских стран в другие земли.³³ Наиболее полно эта теория была изложена в уже упомянутой речи Прибоевича, считавшего праотцем славян самого Ноя и причислявшего к древним славянам готов, фракийцев, паннонцев, македонян и всех их соседей.³⁴ Столь же фантастические известия о происхождении славян (от Яфета и от других библейских героев) содержатся в Хронике Мержвы, в книгах Матвея Меховского, Мартина Бельского и других польских, чешских и южнославянских писателей.

Лишь в середине XVI в. эти легенды о происхождении славян становятся объектом исторической критики. В книге Мартина Кромера «О происхождении и деяниях поляков» были разоблачены некоторые баснословные сказания, считавшиеся до тех пор историческими фактами.³⁵ Младший

³⁰ Не е д л ы, стр. 88.

³¹ B a d a l i ć, стр. 12.

³² А. Ф л о р о в с к и й. Легенда о Чехе, Лехе и Русе в истории славянских учений. — Sbornik prací I sjezdu slovanskich filologů v Praze, 1929, sv. II. Praha, 1932, стр. 53.

³³ Историја народа Југославије, кн. 2, стр. 224.

³⁴ P r i b o e v i u s, стр. 18, 67.

³⁵ M. C r o m e r u s. De origine et rebus gestes Polonorum. Basileae, 1555 (далее: C r o m e r u s), стр. 21, 55.

современник Кромера Ян Кохановский также выступает против попыток связать историю славян с библейскими героями, против легенды о Чехе и Лехе и против других фантастических версий, распространенных в то время.³⁶ Однако эти первые попытки критики древних легенд были еще очень неуверенными, они зачастую сопровождалась созданием новых, столь же фантастических теорий: не кто иной, как Кромер, придумывает славянам очередного легендарного праотца.³⁷ О силе и живучести этой традиции создания различных мифов, объясняющих происхождение и древнюю историю славян, свидетельствует и самый капитальный в то время труд на эту тему — книга Мауро Орбини «Славянское царство».³⁸

Орбини был знаком со всеми сколько-нибудь значительными авторами, писавшими о славянах и их истории. Однако к сочинениям этих авторов Орбини подошел не как исследователь, а как усердный компилятор: он выписывал известия о славянах из всех попадавшихся ему книг и, не имея собственного мнения, смешивал правду и миф, достоверные факты и наивные легенды. Достаточно сказать, что Орбини считал родиной славян Скандинавию («Скандию») и причислял к славянам шведов, финнов и многие другие народы.³⁹ Следуя Герберштейну, он не только принимает версию о приходе варяжских князей на Русь, но и считает этих варягов славянами.⁴⁰ В общем книга Орбини была шагом назад от трудов Кромера и Кохановского, стремившихся придать изучению истории славянства более научный характер. И тем не менее, при всем его несовершенстве; труд Орбини, содержащий много материала о славянских связях в давние времена, способствовал распространению идеи о единстве всех славян.

Современные исследователи (особенно И. Бадалич) высказали предположение о том, что книга Орбини «была главной научно-информационной базой общеславянской идеологии Крижанича».⁴¹ Допуская, что Крижанич мог быть знаком с этой книгой, следует отметить, что он не только нигде не ссылается на нее, но и неоднократно высказывает взгляды, прямо противоположные тем, которые содержались в «Славянском царстве».

Так, например. Крижанич резко выступает против легенды о «призывании варягов»,⁴² а также против легенды о мнимой грамоте, полученной древними славянами от Александра Македонского.⁴³ История о том, «будто даби Александер Великий бил Словинскому народу прислал Даровалний лист и подаровал им и писмом укрипил на вики держат землю, кая лежит меж Черним и меж Варяжским морем», была, по мнению Крижанича, выдумана «неким Ческих изпоминков писателем» и от нее «немогаше постат слава, но паче обида и позор».⁴⁴ В то время как Орбини отождествляет славян с древними скифами, Крижанич неоднократно противопоставляет эти народы друг другу.⁴⁵ И, наконец, в отличие от Орбини, Крижанич считает родиной славян не Скандинавию, а русскую землю.

Таким образом, если даже Крижанич и знал книгу Орбини, то она послужила для него не базой, а скорее трамплином, отталкиваясь от ко-

³⁶ T. Ulewicz. Swiedomość słowiańska Jana Kochanowskiego. Kraków, 1948 (далее: Ulewicz), стр. 97.

³⁷ Cromerus, стр. 18.

³⁸ M. Orbini. Il regno degli Slavi. Pesaro, 1601 (далее: Orbini).

³⁹ Там же, стр. 7—8, 88.

⁴⁰ Там же, стр. 99.

⁴¹ Badalić, стр. 17.

⁴² Русское государство, т. 1, стр. 196, 342.

⁴³ Orbini, стр. 378.

⁴⁴ Ркп. «Политики» (ЦГАДА, ф. 381, № 1799), стр. 674.

⁴⁵ «Они древни Скиты есуть были Турского и Татарского народа» (Русское государство, т. 2, стр. 136); «Глупо адда и ложно бают ласкавци: да бисмо ми родом Скифи били» (Русское государство, т. 1, стр. 341).

торого он излагал свои взгляды о происхождении славян. И многие из этих взглядов были генетически связаны с теориями и гипотезами Мартина Кромера.

Хотя Крижанич и критиковал Кромера за симпатии к немцам и говорил о том, что Кромер был «названием Лех, а родом и сердцем Нимчин»,⁴⁶ он, однако, признавал его «именитым в Историописцех»⁴⁷ и охотно цитировал его труд. В частности, говоря о происхождении славянских народов, Крижанич приводит мнение Кромера о том, что «все ти народи произидоша из Руси»,⁴⁸ а затем развивает и углубляет версию о «русском происхождении» всех славян. По мнению Крижанича, «измежде всих... народних предиллов (славян) наистарите и осталним всим зачално ест льудство и име Руско»,⁴⁹ ибо все древние славяне жили на Руси. Позднее, «во времена царев Маврикия, Фоки и Юстиниана», славяне в числе других народов напали на Римскую империю, «из Русии зашли за Дунай и облагодали Болгарскую, Сербскую и Херватскую землю».⁵⁰ Другая часть «Русского же народа пошедши от востока на запад» поселилась «окол Немецкого моря, в Поморию, и в Ляской, в Слезской, в Ческой, и в Муравской землях».⁵¹ Следовательно, один только русский народ «пребывает во изконовичной своей домовине, в Руси; а остални загони вси из Руси же произидоше, и появишесе нови гости в странах, в коих сада пребывают: становито ест еже Руско племе и име ест осталним всим вершина и кореника».⁵²

Мысль о происхождении славян из Руси встречается в XVI—XVII вв. не только у Кромера, но и в трудах южных славян — Л. Цревича и Ф. Вранчича, в речах чеха Иоанна Матвея Судетского⁵³ и во многих других сочинениях, вплоть до русского хронографа XVII в., утверждавшего, что «истинный столп языка словянского в московстей земли».⁵⁴ Весьма вероятно, что возникновению этой версии способствовал рост могущества русского государства, благодаря чему «политическое значение Москвы стало распространяться ретроспективно на старые времена».⁵⁵ Но никто до Крижанича не придавал этой версии столь завершённой и логически стройной формы, а главное — никто не делал из нее столь решительных выводов о будущих судьбах славянства. Теория о «русском происхождении» славян явилась для Крижанича одним из основных моментов, определивших содержание его плана национального возрождения славянства — плана, в котором главная роль отводилась России как предполагаемой всеславянской отчизне, призванной, по мнению Крижанича, быть и в будущем оплотом всех славян.

4

Одной из важнейших составных частей этого плана было создание «общеславянского языка».

⁴⁶ Ркп. «Политики», стр. 670.

⁴⁷ Ю. Крижанич. Собрание сочинений, вып. 2. М., 1891, стр. 20.

⁴⁸ Там же; ср.; Сгомегус, стр. 16, 24.

⁴⁹ Грамматично изказание об руском езику попа Юрки Крижанища. М., 1848, стр. 1.

⁵⁰ Русское государство, т. 2, стр. 114. В другом месте «Политики» Крижанич еще точнее определяет предполагаемое время миграции славян: «окол пятисотного года от Христова нарожения многи Словенци подвижни ся из Великия, Малыя и Белья Руси, преидоша за Дунай» (Русское государство, т. 1, стр. 341).

⁵¹ Русское государство, т. 2, стр. 114.

⁵² Грамматично изказание..., стр. 2.

⁵³ И. Первольф. Славяне, их взаимные отношения и связи, т. 2. Варшава, 1888 (далее: Первольф), стр. 43—44, 113, 227—228.

⁵⁴ Пыпин, стр. 600.

⁵⁵ Там же, стр. 603.

Интерес к родному языку пробудился у Крижанича с самой ранней молодости. В челобитной 1676 г. он вспоминал о том, как «от детинства своего... удал ся всим сердцем на едино мудростно искание: и на нашего скаженного: а правее сгубльеного языка изправляние, свитлание и совершание». ⁵⁶ Есть основания полагать, что именно лингвистические занятия явились исходной ступенью формирования у Крижанича его «славянской идеи». Во всяком случае в письме Р. Леваковичу в 1647 г. Крижанич упоминал о том, что он всегда имел «стремление трудиться над обработкой нашего языка», а узнав о том, что «громадное множество нашего народа отравлено схизмой, обратил стремление не только к труду над языком, но одновременно и к более плодотворному — к разрушению схизмы». ⁵⁷ Следовательно, Крижанич сам признавал, что он сначала занялся славянским языком, а уж потом проникся планом объединения славян в лоне одной — католической — церкви. Занятия Крижанича славянским языком совпадают по времени с аналогичными занятиями Леваковича. Личное знакомство Крижанича с Леваковичем могло сыграть известную роль в усилении у Крижанича интереса к лингвистическим вопросам. Но, допуская такое предположение, не следует забывать, что деятельность Леваковича предшествовала вековая история изучения славянских языков хорватскими и другими славянскими учеными.

В словарях Мегизера и Вранчица, в грамматике Бохорича хорватский и словенский языки рассматривались в сопоставлении с другими славянскими языками и подчеркивалась их взаимная близость. Хорватский писатель Вергерич в 1555 г. предложил печатать религиозные книги не латиницей, а кириллицей и глаголицей, чтобы они были понятны сербам и болгарам. ⁵⁸ Так впервые зарождается мысль о «всеславянском языке», повторенная через несколько лет Скаличем, а в начале XVII в. дубровчанином Бартолом Кашичем, считавшим боснийско-штокавский говор «наиболее общим языком, который легко может быть изучен каждым». ⁵⁹ Однако все эти опыты в области славянской лингвистики были, по-видимому, неизвестны Крижаничу. Во всяком случае в «Обясненьи виводном о писме словенском» (1661) Крижанич писал: «... письмо наше, от своего постанка никогдаже (разве от единого Смотрицкого) нит било на разсуженье взято: а с проходом времен, мнозими и размаитими способами ест превращено и будто задавлено». ⁶⁰ Но и с «Грамматикой» Смотрицкого Крижанич познакомился позднее, а в юности он был убежден, что «наш язык находится в беспорядке и в упадке, так что на нем нельзя сочинить и написать ничего возвышенного», ⁶¹ а поэтому он «начал... думать и трудится в езика изправлению». ⁶²

Хотя Крижанич и не знал своих предшественников, однако первые же его опыты повели его по уже намеченному предыдущими учеными пути: Крижанич занялся поисками общих черт между славянскими языками и изысканием возможности создания единого языка для всех славянских народов. В письме к епископу Винковичу в 1641 г. Крижанич упомянул о том, что он «уже изложил на общем иллирийском языке (*illirico communi sermone*) основные принципы грамматики и арифметики». ⁶³ О характере

⁵⁶ С. А. Белокуров. Из духовной жизни русского общества. М., 1902 (далее: Белокуров), стр. 260—261.

⁵⁷ Там же, Приложения, стр. 144.

⁵⁸ Wollman, стр. 24.

⁵⁹ Историја народа Југославије, кн. 2, стр. 226.

⁶⁰ Ю. Крижанич. Собрание сочинений, вып. 1. М., 1891, стр. 28.

⁶¹ Kukuljević-Sakcinskij, стр. 385.

⁶² Граматично изказание..., стр. V.

⁶³ Kukuljević-Sakcinskij, стр. 385.

этого языка мы можем судить на основании того, что в своей «Иллирии» 1652 г. Крижанич называет «современным иллирийским» (*illirice moderne*) свой родной хорватский язык.⁶⁴

В дальнейшем планы Крижанича расширяются: от мыслей о «всеиллирийском языке» Крижанич постепенно переходит к замыслам создания «всеславянского языка», понятного не только балканским, но и северным, и восточным славянам. И эта работа становится одним из главных занятий Крижанича в последующие годы. Когда в 1659 г. Крижанич прибыл в Россию, он обратился к царю с челобитной, в которой среди прочего говорилось: «Язык словенский есть из света изгинул и нигде же не говорится право, тем же потребно ему есть грамматика. . . Аще Богу и вашему царскому величеству будет угодно, хошу сим усилити издати грамматику и лексикон, которые будут велми порядниша, справчива и совершеннейша».⁶⁵ Предложение Крижанича было принято, и ему было велено «книги писать: Алфавит истинны славинского языка составить: и грамматику изправить».⁶⁶ Результатом этой работы явились две книги Крижанича: «Грамматично изказание об руском езику» и «Объяснение виводно о писме словенском».

Хотя в одном случае Крижанич упоминает в заглавии своего труда о «русском» языке, а в другом — о «словенском», однако в обеих книгах речь шла об одном и том же: о языке, отличавшемся и от русского, и от хорватского, и от польского, и от остальных славянских наречий, но включавшего в себя и русские, и польские, и особенно хорватские слова и грамматические формы. Это была «грамматика языка, который Крижанич сочинил для всех славян».⁶⁷

Крижанич не ограничился конструированием грамматики изобретенного им языка: он решил применить на практике свое изобретение и «сице говорить (будто общим никобим езиком) даби от всех (славян, — А. Г.) било разумльено».⁶⁸ Начиная с 1659 г. большинство своих произведений Крижанич писал именно на этом «всеславянском» языке, используя попеременно то латинский, то кириллический алфавит. Хотя создание литературных произведений на искусственно сочиненном языке с еще не устоявшимися словарными и грамматическими формами было очень трудным делом, Крижанича эта задача не утратила, ибо он был твердо убежден в необходимости создания «всеславянского» языка, доведенного до наивозможного совершенства. Недаром он писал, что «языка совершенство есть само потребно орудие к мудрости, и едва не становито ея знамя».⁶⁹

Благодаря «исправлению языка» станет возможным создание книг, доступных пониманию всех славян, и этими «пригодными разумными книгами» можно будет «людем умные очи открыть».⁷⁰ Таким образом, преобразование языка должно было, по мнению Крижанича, помочь развитию национального самосознания славянских народов.

5

Другим не менее важным условием развития культуры и национального самосознания Крижанич считал создание «общеславянской истории».

⁶⁴ *Vadalić*, стр. 8.

⁶⁵ Белокуров, стр. 176.

⁶⁶ Там же, стр. 261.

⁶⁷ *G. Daničić. Gramatika Gjurgja Križanića. — Rad Jugoslavenske akademije, kn. XVI. Zagreb, 1871, стр. 161.*

⁶⁸ Грамматично изказание . . ., стр. 1.

⁶⁹ Русское государство, т. 1, стр. 126.

⁷⁰ Там же, т. 2, стр. 115.

Указывая, что до сих пор «ся обретают токмо некои и уделни годописци у Русов, Ляхов и Чехов», он с огорчением отмечал: «а обо всем целом народу годных и потребных историй или изпоминков и старинних повестей, нигде еще несть било видеть».⁷¹ Это утверждение Крижанича не соответствовало истине: попытки составления общеславянской истории не раз предпринимались и в XVI, и в XVII вв. Можно предположить, что Крижанич не знал о «Польской хронике» М. Стрыйковского (1582) и об «Анналах» С. Сарницкого (1587), уделявших большое место истории соседних с Польшей народов,⁷² можно усомниться в его знакомстве с книгой М. Орбини, стремившегося охватить весь славянский мир. Наконец, вполне вероятно, что он ничего не знал об «Общеславянской истории» Леваковича, так и не увидевшей света и оставшейся в рукописи.⁷³ Но уж во всяком случае он был достаточно хорошо знаком с книгой М. Кромера, в которой речь шла не только о Польше, но и обо всех славянских народах.

Вообще книг по истории славянства накопилось к тому времени уже немало, поэтому слова Крижанича об отсутствии «годных историй... обо всем целом народу» следует объяснять лишь тем, что он не был удовлетворен существующими книгами и не считал их «годными», поскольку они содержали «множайшая басни, и клеветства, и злооглашения... о всем купно народе словенском».⁷⁴ Чтобы покончить с этими «злооглашениями», умаляющими роль славян в истории человечества, надо было, по мнению Крижанича, «списать историю правдиву и совершенну сего царства и всего народа словенска».⁷⁵ И поэтому Крижанич обратился к русскому царю с просьбой назначить его придворным историографом и поручить ему выполнение этого труда.⁷⁶

Сохранились материалы, показывающие, что Крижанич всерьез занимался изучением литературных источников, содержащих сведения об историческом прошлом славянских народов. Он сделал многочисленные выписки из книг М. Кромера, П. Пясецкого, С. Старовольского, из русской летописи и из других сочинений и частично использовал эти выписки в своей «Политике».

Поскольку замысел Крижанича не был осуществлен, трудно судить о том, в какой степени его предполагаемый труд по истории «всего народа словенска» должен был отличаться от известных и неизвестных ему книг его предшественников. Ясно лишь, что наибольший интерес для Крижанича представляла критика тех легенд и теорий (теория о четырех монархиях, легенда о князьях Владимирских, о принятии Владимиром Мономахом даров от византийского императора и др.), которые, по мнению Крижанича, не только противоречили исторической правде, но и подрывали национальное достоинство русского народа и всех славян.

Об этом интересе Крижанича к исторической критике свидетельствуют многочисленные фрагменты «Политики» и книги «Об божием смотреию». Можно заметить, что Крижанич обращается к сюжетам русской и «всеславянской» истории большей частью именно для того, чтобы с их помощью дать бой сторонникам той или иной историко-политической теории, умаляющей достоинство славян.

⁷¹ Там же, стр. 2.

⁷² Первольф, стр. 103, 127.

⁷³ Wollman, стр. 28.

⁷⁴ Белокуров, стр. 173.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Русское государство, т. 2, стр. 2.

Все это свидетельствует о том, что задуманная Крижаничем «всеславянская история» должна была, по его мнению, стать важным идеологическим оружием в борьбе за развитие национального самосознания и за возрождение славянских народов.

6

Добиться этого возрождения было нелегко. Крижанич не жалел мрачных красок для того, чтобы подчеркнуть культурную и экономическую отсталость и отрицательные стороны жизненного уклада своих собратьев-славян. Обличение этих недостатков свидетельствовало о гражданском мужестве Крижанича, тем более, что он не ограничивался критикой, а предлагал средства для исправления ошибок и дурных обычаев. В то же время Крижанич выступал против несправедливых обвинений в адрес славян со стороны других народов, против угнетения их другими народами, всячески старался поднять достоинство своего родного племени.

Этим объясняется отношение Крижанича к «немцам» (в число которых он включал не только германцев, но и шведов, и англичан, и голландцев, и прочих жителей «луторских и калвинских» стран). Он считал, что общение с «немцами» приносит славянам неисчислимые беды, поэтому «Словенцем... наилучше би било ни рати, ни мира з ними не имать, и згола о них не знать».⁷⁷ Но поскольку избежать этого общения невозможно, то следует его сократить путем «запертия рубежев», проведения политики «гостогонства» и других мер, которые ограничат проникновение «немцев» в славянские земли и спасут восточных славян от того «онемечивания», которому подвергаются чехи, поляки и хорваты. Таким образом, линия, намеченная Крижаничем по отношению к «немцам», была чисто охранительной и не предусматривала активных политических действий со стороны славянских стран.

Совсем иной характер носили планы Крижанича, касающиеся отношений славян с Османской империей. Выше уже говорилось о той популярности, какую снискала в XVI—XVII вв. идея сплочения всех славянских народов для борьбы с турками. Остается добавить, что эта идея рождала к жизни не только риторические призывы и звонкие декларации, но и конкретные политические планы. В книгах С. Ореховского, Х. Варшевицкого, В. Папроцкого, С. Старовольского, в трактате Томаша Пешины из Чехорода и во многих других сочинениях славянских писателей XVI—XVII вв.⁷⁸ излагаются планы борьбы с турками — планы, порой взаимоисключающие, но во всех вариантах исходившие из необходимости выступить против турок единым славянским фронтом.⁷⁹

Юрий Крижанич, родившийся в окраинной Хорватии, недалеко от границы, за которой под властью турок томились и хорваты, и сербы, и болгары, усвоил с детства не только чувство ненависти к туркам, но и убеждение в необходимости союза всех европейских (прежде всего славянских) народов против империи Османов. В дальнейшем антитурецкие настроения Крижанича еще более укрепились под воздействием его духовных пастырей из Конгрегации пропаганды веры, а также под влиянием прочитанных им книг, среди которых были и антитурецкие сочинения Кохановского и Старовольского.

Во многих произведениях Крижанича говорится о бедах, которые причиняют славянам турки и их вассалы — крымские татары. При этом Кри-

⁷⁷ Там же, т. 1, стр. 204.

⁷⁸ Первольф, стр. 87—88, 210.

⁷⁹ H. B a t o w s k i. Współpraca słowiańska. Warszawa, 1946, стр. 39.

жанич не ограничивается описанием ужасов жизни под вражеским игом, а излагает конкретные планы борьбы с Турецкой империей. Цель этих планов на протяжении всей жизни Крижанича оставалась неизменной — разгром турок и освобождение славян, однако методы достижения цели в разные времена представлялись Крижаничу по-разному.

В 1641 г. Крижанич сообщил секретарю Конгрегации пропаганды веры Ф. Инголи о своем намерении «увещевать царя начать войну против общих врагов христиан — турок». Крижанич надеялся внушить царю, что «для этого будет недостаточно его подданных без помощи западных государств» и что царю следует послать Крижанича «к этим католическим государям, ибо от них он наверно получит и мастеров дела, и помощь, и советы». ⁸⁰

Этот план Крижанича был построен в соответствии с тактикой, разработанной Ватиканом еще в конце XVI в., когда папская курия стремилась вовлечь Россию в антитурецкий союз, чтобы достичь тем самым сразу двух целей — разгромить Турцию и вовлечь Московское государство в сферу своего влияния. ⁸¹ Слова Крижанича о необходимости воспользоваться помощью католических государств весьма напоминают наказ папскому послу в Россию А. Комуловичу, которому рекомендовалось убедить царя, что русский народ «узрит и научится военному искусству в том месте, где может видеть, каким образом производят войну не только турки, но также немцы, венгры и итальянцы, споспешествующие сему предприятию, посланные от его святейшества и от других иностранных владетелей». ⁸²

Таким образом, когда Крижанич в 1641 г. выступил сторонником коалиции России не только с «болгарами, сербами, босняками, валахами», но и с «западными государями», он не выходил за рамки политики римской курии, какими бы патристическими чувствами она субъективно ни руководствовалась. План этот не мог иметь успеха в России не только в силу своей проватиканской направленности, но и потому, что Русское государство до середины XVII в. старалось поддерживать с Турцией мирные отношения.

Однако в 50-х годах характер русско-турецких отношений изменяется в связи с тем, что конфликты Турции с ее западными соседями начинают затихать и турецкая агрессия переносится на Австрию, Польшу и Россию. ⁸³ Национальные интересы России требуют активизировать борьбу с турецкой опасностью. В этой обстановке антитурецкие настроения Крижанича обогащаются новым содержанием. И когда на страницах «Политики» Крижанич излагает свой план организации союза для борьбы с Турцией и ее вассалом — Крымом, то этот план уже ничем не напоминает тех коалиций, которые создавались Ватиканом и Габсбургами в предшествовавшее время.

В отличие от «Записки 1641 года» в «Политике» речь идет не о союзе с католическими державами, а о том, что в войне против татар и турок должны участвовать наряду с русскими «многи Подонци, Поднепряни, Моровлахи, Ляхи, Серби, Болгари Хервати, Вугри и Греки». ⁸⁴ Таким

⁸⁰ Белокуров, Приложения, стр. 125—126.

⁸¹ В наказе папскому послу Кленхену в 1576 г. говорилось: «Цель настоящего посольства состоит в том, чтобы не только соединить русского государя союзом дружбы с апостолическим престолом против общего врага — турок, но (что гораздо важнее) в том, чтобы связать их, если можно, единством священным, дабы толикий и столь превосходный христианского тела состав удобно был совокуплен в одно всех частей обществу» (Н. Б а н т ы ш - К а м е н с к и й. Исторические известия о возникновении в Польше унии... М., 1805, стр. 12).

⁸² Древняя Российская Вивлиофика, т. XII. СПб., 1790, стр. 456.

⁸³ Н. А. С м и р н о в. Россия и Турция в XIV—XVII вв., т. 2. М., 1947, стр. 113.

⁸⁴ Русское государство, т. 2, стр. 130.

образом Крижанич выступает с идеей совместной борьбы народов Восточной Европы (и главным образом славян) против Оттоманской Порты. Участие России в освободительной войне против турок должно было, по мнению Крижанича, стать центральной задачей русской внешней политики.⁸⁵

Подобный план был уже более близок московским властям по причине их возросшей заинтересованности в сплочении антитурецких сил и потому, что среди этих сил главное место предназначалось не «католическим государям», а народам, исповадовавшим православие. Но все же и в этом плане отчетливо сквозило то, что его автор подходил к вопросу о борьбе с Турцией не с точки зрения московской дипломатии, а с особой, специфической позиции, ибо борьба эта была для Московского государства хотя и важной, но не столь первостепенной задачей, какой она представлялась хорвату Крижаничу, мечтавшему о скорейшем освобождении своих собратьев на Балканах.

7

Строя планы совместной борьбы всех славян против их врагов, Крижанич неизменно подчеркивал необходимость гегемонии России в этом сообществе славянских народов. Такие мысли высказывались и до Крижанича, в XV—XVI вв., причем исходили они, как правило, из той же самой среды, из какой вышел и Крижанич: не в Москве, а в Загребе, в Дубровнике, на Дунае мечтали о том, чтобы Россия возглавила общеславянскую борьбу против турок. Так, болгарин Константин Костенецкий писал о том, что Московское государство является надеждой и опорой сербского народа, попавшего под власть турок.⁸⁶ Дубровницкие поэты воспевали русских царей как будущих освободителей славянского юга.⁸⁷

Правда, в те времена существовала и другая точка зрения, согласно которой гегемоном объединенных славянских сил должна была стать Польша. Об этом писал в своих поэмах Я. Кохановский и другие поэты XVI в.⁸⁸ Наиболее отчетливо эта идея прозвучала в книге В. Демболецкого «Wywód jedynowładnego państwa świata» (Warszawa, 1633), где речь шла не только о руководящей роли Польши среди славян, но и о планах мирового господства Польши в случае победы над турками.⁸⁹ Характерно, что роль гегемона славянского мира приписывалась Польше почти исключительно польскими авторами, лишь однажды в защиту этой цели раздался голос со славянского юга. В поэме И. Гундулича «Осман» (около 1630 г.) содержится призыв к объединению всех славян под главенством Польши и предсказан расцвет Речи Посполитой после победы Польши над Россией. Но эта позиция Гундулича объяснялась временными успехами Польши после Хотинской победы и личными отношениями семьи Гундуличей с польским королем Владиславом.⁹⁰ И не случайно, что к середине XVII в. пропаганда гегемонии Польши в славянском мире фактически прекратилась.

В противоположность этому тяготение южных и (в меньшей мере) западных славян к России на протяжении XVII в. все более возрастает и находит свое наивысшее отражение в трудах Юрия Крижанича.

⁸⁵ Там же, стр. 116.

⁸⁶ Wollman, стр. 27.

⁸⁷ Первольф, стр. 212.

⁸⁸ Ulewicz, стр. 186.

⁸⁹ Неедлы, стр. 88.

⁹⁰ А. Липовский. Иван Гундулич. СПб., 1894, стр. 38.

Крижанич в течение всей своей жизни возлагал надежды на Россию как на единственное славянское государство, способное возглавить остальные славянские народы в борьбе за их возрождение. Обращаясь к русскому царю, он писал: «...на тебе единого (о пречистый царю) есть спало смотрение всего народа Словенского... Ты реку един, о царю, сада нам еси от бога дан, да и Зайдунайцем, и Ляхом, и Чехом пособишь».⁹¹ Крижанич считал, что Россия обязана возглавить славянский мир потому, что «един Руский удел... живет под царем и господарем своего языка, а осталии все Словенци есуть подвержены чужим народом».⁹² К этой мысли Крижанич возвращается не раз, отмечая, что «Задунайски Словенци... уже давно есуть згубили не лихо кралество, но и силу всю», да и «Ляхи никако из своих нужь и срамот сами себе пособить не могут».⁹³

Как бы полемизируя с теми, кто считал Польшу способной возглавить сообщество славян, Крижанич настойчиво подчеркивал, что «Польша находится ныне в таком состоянии и доведена политическими болезнями до таких бедствий, что может излечиться... только посредством союза и покровительства светлейших русских царей».⁹⁴ И полякам, и задунайским славянам «извонска сила есть потребна, да беку могли опять на ноги повстать, и в число народов ся поставить».⁹⁵ Этот «извонский послюк» западные и восточные славяне должны были, по мнению Крижанича, получить от Московского государства.

Говоря о долге России перед другими славянскими народами, Крижанич объясняет его не только тем, что Россия, с его точки зрения, является единственным независимым славянским государством.⁹⁶ Она обязана помочь своим собратьям еще и потому, что у славян вообще никогда еще «нист било... коего великого, и устроенного, и обстоялого кралества: каково днес ест ово славно Руско господарство».⁹⁷ И это убеждение Крижанича совпадало со взглядами многих южных славян, обращавших взоры к России потому, что Русское государство достигло высокой степени могущества и славы и стало казаться естественным покровителем южнославянских народов.⁹⁸

Таковы были причины, по которым Крижанич призывал Россию возглавить освободительную борьбу славянских народов. В «Политике» и в других книгах, адресованных русским читателям (прежде всего московским властям), Крижанич снова и снова повторяет эти доводы, как бы стремясь внушить своим читателям мысль о руководящей роли России в славянском мире — мысль непривычную и новую для русских людей, но уже задолго до этого распространенную в среде угнетенных славянских народов, надеявшихся, что в результате помощи со стороны крупнейшего славянского государства к ним придет освобождение.

Крижанич предназначал России руководящую роль не только в будущей борьбе с турками и в предстоящем вызволении западных славян из-под власти «немцев». Он считал, что Россия должна проявить инициативу и в самых неотложных, с его точки зрения, делах, необходимых для

⁹¹ Русское государство, т. 2, стр. 115.

⁹² Там же, стр. 2.

⁹³ Там же, стр. 115—116.

⁹⁴ Там же, стр. 173.

⁹⁵ Там же, стр. 115.

⁹⁶ «Польша немного осталось до того, чтобы она совсем стала немецкой», — писал Крижанич в «Письме об освобождении» (И. Первольф. Отчет о занятиях в архивах. — Варшавские университетские известия. Варшава, 1883, № 2, стр. 70).

⁹⁷ Грамматично изказание... стр. II—III.

⁹⁸ М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами. — В кн.: Славянский сборник, М., 1947, стр. 188.

возрождения славянства. И поэтому, обращаясь к царю и признавая, что «в садашне тесно время» царь не может «пособить к совершенной поправе» другим славянам, он призывает царя «кончее язык Словенский в книгах изправить и осветлять и пригодными разумными книгами оним людям умние очи открыть, да учнут: яко смо рекли, честь познавать, и об своем возстанению думать».⁹⁹ Наконец, Крижанич отводит России решающую роль и в осуществлении религиозной миссии славянства, повинного, по его мнению, «мирить Греков з Римлянами»¹⁰⁰ и поэтому обязанного в первую очередь установить религиозное единство в своих собственных рядах.

Таким образом, и национально-патриотические, и религиозные замыслы Крижанича побуждали его возлагать наибольшие надежды на Московское государство.

Строя планы совместной борьбы славянских народов против чужеземного гнета, намечая пути национального возрождения славян, Крижанич почти нигде не высказывает своего мнения о том, как будут складываться политические отношения между славянскими народами после их победы в освободительной борьбе. Однако следует учитывать, что Крижанич был убежденным противником «сверх-государств» и осуждал тех правителей, которые претендовали на «величие сверх обыкновенного».¹⁰¹ Поэтому, отводя России роль гегемона в освободительной борьбе славян, Крижанич, видимо, не был склонен считать эту гегемонию вечной и не навязывал России роль властелина над возрожденными славянскими народами.

8

Изучение трудов Крижанича и сопоставление их с книгами его предшественников убеждают в том, что его сочинения явились новым, более высоким этапом в развитии идеи славянского единства, издавна вошедшей в литературу всех славянских народов.

Во-первых, Крижанич гораздо глубже и более критически, чем большинство его предшественников и современников, подошел к вопросу о причинах этнической и языковой близости славян и создал стройную теорию, обосновывавшую необходимость единения всех славянских народов.

Во-вторых, в отличие от многих других авторов того времени, Крижанич не только декларировал идею единства славян, но и наметил практические пути их политического, экономического и культурного возрождения.

И, наконец, труды Крижанича (особенно его «Политика») явились первой попыткой создания таких литературных произведений, в которых «славянская идея», изложенная то в форме публицистических трактатов, то в диалогах вымышленных героев, то посредством различных аллегорий, стала главной темой. И само появление на свет этих произведений было вызвано желанием их автора облечь свой план возрождения славянства в наиболее доходчивую и убедительную литературную форму.

Большинство исследователей деятельности Крижанича справедливо отмечает, что тема славянского единства составляет основное содержание его важнейших книг. Однако из этого верного наблюдения иногда дела-

⁹⁹ Русское государство, т. 2, стр. 216.

¹⁰⁰ Там же, стр. 220.

¹⁰¹ Там же, стр. 284.

лись и делаются ошибочные выводы. Весьма распространенным, в частности, является утверждение о том, что Крижанич был якобы «предтечей панславизма» XIX века.

Это ложное мнение вошло в литературу «с легкой руки» П. А. Безсонова, нашедшего в архивах основные труды Крижанича и ставшего первым его биографом. П. А. Безсонов был одним из наиболее пылких славянофилов середины XIX в. и разделял их веру в «богоизбранность России» как оплота грядущего всеславянского царства. Обнаружив в книгах Крижанича призывы к сплочению славян вокруг России, Безсонов с присущей ему восторженностью объявил Крижанича «духовным отцом» своих единомышленников и даже нашел в нем черты сходства с «передовым человеком Руси и славянства» — славянофильствующим мракобесом А. С. Хомяковым.¹⁰²

П. А. Безсонов не остался в одиночестве. Пущенная им версия о прямой духовной связи между взглядами Крижанича и националистическими теориями XIX в. была подхвачена многими реакционными историками и литераторами прошлого столетия. Особенно примечательна в этом отношении книга И. Рогановича,¹⁰³ обнаружившего в сочинениях Крижанича составные части уварской формулы («православие, самодержавие, народность») и до полной неузнаваемости искажившего жизненный путь и содержание деятельности Крижанича. Именно Роганович одним из первых заговорил о «панславизме» Крижанича, вкладывая в этот термин то самое содержание, какое было присуще «панславизму» XIX в., с его политической реакционностью и близостью к захватническим планам русского царизма.

Подобное произвольное толкование взглядов Крижанича было вызвано тем, что его произведения рассматривались вне всякой связи с конкретно-исторической обстановкой его времени. И поэтому те планы политического и культурного возрождения славян, которые были порождены специфическими условиями XVII в., в частности порабощением балканских славян турками и габсбургской империей, рассматривались как проявление некоей абсолютной «панславянской» идеи, сохраняющей свое содержание в любую эпоху.

Конечно, не все авторы, относившие Крижанича к числу «панславистов», трактовали его взгляды столь упрощенно. Известную роль сыграла и терминологическая инерция. Поскольку в научной литературе не существовало специального термина для обозначения ранних проявлений идеи славянского единства, то все эти проявления, и в том числе взгляды Крижанича, принято было называть «панславистскими», объединяя их тем самым в одну рубрику с позднейшими националистическими теориями.¹⁰⁴ И подобное словоупотребление можно встретить даже у тех авторов, которые раскрывали истинное содержание планов Крижанича и противопоставляли эти планы реакционным концепциям славянофилов и «панславистов» XIX в.¹⁰⁵

Представление о Крижаниче как об «отце панславизма», порожденное русскими славянофилами и укрепившееся вследствие терминологической

¹⁰² П. А. Безсонов. Юрий Крижанич... — Православное обозрение, вып. XII, стр. 780.

¹⁰³ И. Роганович. Ю. Крижанич и его философия национализма. Казань, 1899.

¹⁰⁴ Ф. Вольман справедливо указывал, что термин «панславизм» непригоден для обозначения идеи славянской общности, «потому что он обозначает явление, присущее XIX веку, и потому что он приводит к неисторическому представлению о некоем едином течении которого никогда не было и не будет» (W o l l m a n, стр. 3).

¹⁰⁵ Термин «панславизм» применительно к взглядам Крижанича встречается в упомянутых выше работах В. Вальденберга, В. И. Пичеты, З. Неудлы и др.

нечеткости, нуждается в исправлении. Подобное исправление необходимо и потому, что возникшей ошибкой воспользовались некоторые авторы, заинтересованные в том, чтобы доказать «исконность», «извечность панславизма» как идеологической основы «притязаний России на другие славянские земли».¹⁰⁶

Еще 17 лет назад Б. Д. Дацюк обратил внимание на то, что взгляды Крижанича о возможности внешней поддержки славян со стороны России особенно часто искажались буржуазными авторами. Он указывал, что эта сторона мировоззрения Крижанича в наибольшей степени подвергалась различным произвольным толкованиям ученых, пытавшихся искусственно приладить высказывания Крижанича к позднейшим теориям «панславизма».¹⁰⁷

С тех пор на Западе вышло в свет еще несколько книг, в которых речь идет о Крижаниче, и все они продолжают эту линию. Ватиканский историк П. Сколярди именует Крижанича «отцом панславизма» и доходит до абсурдного утверждения о том, что внешняя политика Советского Союза является воплощением в жизнь идеи Крижанича об объединении славян вокруг Москвы.¹⁰⁸ Небезызвестный американский «специалист по национальному вопросу» Ганс Кон убеждает своих читателей в том, что Крижанич «был панславистом, славянофилом».¹⁰⁹ Число подобных примеров можно было бы умножить.

Научный анализ трудов Крижанича опровергает эти измышления. Взгляды Крижанича не имеют ничего общего с великодержавными теориями «панславистов» XIX в. Крижанич был сыном своего времени, в рамках которого его и следует рассматривать. И если подойти к Юрию Крижаничу с этих позиций, нельзя не признать, что он был самым выдающимся в то время выразителем идеи славянской общности, предложившим такой план возрождения славянства, который был обусловлен исторической обстановкой в восточной и юго-восточной Европе середины XVII в.

Только такой подход к сочинениям Крижанича дает возможность правильно разобраться в содержании его книг — выдающихся литературных памятников славянского барокко.

¹⁰⁶ Югославский писатель М. Крлежа называл Крижанича «инспириатором русского империализма» (M. Krleža. Eseji, 1. Zagreb, 1933, стр. 81).

¹⁰⁷ Дацюк, стр. 38.

¹⁰⁸ P. G. Scolaridi. Au service de Rome et de Moscou au XVII siècle. Paris, 1947, стр. 170.

¹⁰⁹ H. Kohn. The idea of nationalism. New York, 1946, стр. 46.